

политика

О.Ю.Кольцова, Э.А.Киркиж ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА УЧАСТИЕ В ПРОТЕСТАХ

Ключевые слова: протесты, политические движения, политические коммуникации

¹ Среди немногих исключений см. Dalton, Sickle 2005; Welzel, Deutsch 2012.

Исследование причин протестной активности граждан имеет давнюю традицию в общественных науках. Однако волна протестов, прокатившаяся по миру в последние годы, отчетливо продемонстрировала, что вопрос этот нуждается в дальнейшей разработке. Во-первых, причины протестов, как правило, изучаются на материале одной или нескольких стран и редко принимают форму межстрановых сравнений¹, а во-вторых, в тех немногих кросс-национальных исследованиях, которые имеются, практически не рассматривается проблема влияния интернета на протестное поведение (возможно, вследствие относительной новизны этого феномена). В настоящей статье мы попытаемся заполнить данный пробел и проверить, насколько устойчиво связь между использованием интернета и протестным поведением воспроизводится в разных странах.

Исследования связи интернета и протестов

² Castells 2012.

Большинство исследований связи между использованием интернета и протестным поведением носит локальный характер, затрагивая, в лучшем случае, небольшую группу стран. Тем не менее имеются и работы, где предпринята попытка дать обобщающий анализ взаимовлияния интернета и протестов в разных странах. В их числе следует выделить прежде всего книгу М.Кастельса «Сети возмущения и надежды»². Проследивая развитие событий в столь непохожих друг на друга странах, как, например, Исландия и Тунис, Кастельс отмечает, что во всех случаях интернет выступал в качестве автономного пространства, свободного от контроля со стороны государства и корпораций, где люди могли делиться недовольством и надеждами, узнавать о единомышленниках, вырабатывать чувство общности и вместе преодолевать страх. По оценке Кастельса, интернет оказался также эффективным средством «заражения» протестной активностью других стран, благодаря которому протестующим удалось добиться серьезных изменений даже там, где действовали репрессивные режимы³.

³ Ibid.: 67.

⁴ Kalathil, Boas 2003.

Гораздо менее однозначно оценивают роль интернета К.Калафил и Т.Боас в опубликованной девятью годами ранее монографии «Открытые сети, закрытые режимы»⁴. Проанализировав ситуацию в ряде авторитарных стран (Китай, Куба, арабские и некоторые другие страны),

они приходят к выводу, что далеко не во всех из них интернет имел демократизирующий эффект.

В обеих упомянутых выше работах использованы качественные методы анализа без привлечения количественных данных. Единственным известным нам количественным межстрановым сравнением роли интернета в протестах является исследование Г.Волфсфельда, Э.Сегева и Т.Шефера⁵, проведенное на материале 20 арабских стран. Зафиксировав отрицательную корреляцию между проникновением интернета и долей протестующих, авторы объясняют это тем, что интернет получил наименьшее развитие как раз в тех странах, где наблюдалось больше всего проблем с демократией, соблюдением прав человека и контролем над коррупцией. По заключению авторов, именно такого рода проблемы и порождают протесты, а повышение интереса к интернету лишь следует за всплеском протестной активности, о чем свидетельствует, в частности, взрывообразный рост регистрации в Фейсбуке там, где протесты уже начались⁶.

⁵ См. *Wolfsfeld, Segev, Sheaffer 2013.*

⁶ *Ibid.:* 14.

Сходные результаты были получены С.Гонсалес-Бейлон и ее коллегами, изучавшими протесты в Испании в 2011 г. Проведенное ими исследование показало, что большинство людей, когда-либо писавших твиты о протесте, обратились к этой теме уже после того, как протест начался, следуя примеру относительно немногочисленных «застрельщиков»⁷. Иными словами, хотя Твиттер и мог поспособствовать расширению исходного круга участников уличных акций, на первоначальное решение граждан выйти на улицы повлияло, по-видимому, что-то другое.

⁷ См. *Gonzalez-Bailon, Borge-Holthoefer, Moreno 2013.*

Аналогичные выводы вытекают и из исследования Дж.Лотана и его коллег, попытавшихся выявить роль Твиттера во время революций в Тунисе и Египте в 2010—2011 гг. На основе анализа 300 тыс. твитов ученые выяснили, что сообщения отдельных людей о протестах гораздо чаще генерировали ретвиты, чем официальные аккаунты СМИ⁸, что может свидетельствовать о мобилизирующем воздействии межличностных контактов, опосредованных Твиттером, но не доказывает связи между его использованием и участием в протестах.

⁸ См. *Lotan et al. 2011.*

В этом плане более эффективными оказываются опросные исследования. Так, по итогам опроса участвовавших в протестных акциях граждан Туниса А.Брейер и ее коллеги обнаружили, что среди них высока доля активных пользователей интернета⁹. Близкие результаты дал и опрос протестующих в Египте, проведенный З.Туфекси и Х.Уилсоном: регрессионный анализ полученных в ходе него данных показал, что Фейсбук действительно стал основным инструментом получения информации о протестах¹⁰. Согласно опросам, анализируемым Д.Волковым, сходным образом в 2011—2012 гг. обстояло дело и в России, где участники протестов узнавали о подобного рода акциях прежде всего из интернета (около 70%), тогда как население в целом — из телепередач (около 80%). При этом среди пользователей интернета сторонников протестных действий было меньшинство¹¹, то есть использование

⁹ См. *Breuer, Landman, Farquhar 2015.*

¹⁰ См. *Tufekci, Wilson 2012.*

¹¹ См. *Волков 2012.*

интернета являлось не причиной таковых, а лишь средством вовремя о них узнать.

В свою очередь Е.Драчева и А.Щербак фиксируют в российских регионах положительную корреляцию между уровнем охвата интернетом и числом протестов¹², что прямо противоположно ситуации в арабском мире, как описывают ее Волфсфельд, Сегев и Шефер. Следует, впрочем, оговориться, что Вольфсфельд и его коллеги изучали индивидуальное участие в протестах на основе опросных данных, тогда как Драчева и Щербак — количество протестов. Последнее — не очень точный показатель, поскольку протесты трудно сосчитать, не имея доступа к надежной полицейской статистике, а еще труднее оценить количество их участников и «сложить» маленькие протесты с крупными.

Как бы то ни было, все эти исследования позволяют предположить, что, не будучи, возможно, причиной протестов, интернет-вовлеченность облегчает их организацию. Между тем это предположение вступает в противоречие с результатами, полученными Я.Теокарисом и его соавторами¹³: проведенный ими контент-анализ твитов о протестах в США, Испании и Греции показывает, что доля твитов, содержащих непосредственные призывы к протестным действиям или затрагивающих вопросы их организации, ничтожно мала. Таким образом, приходится констатировать, что исследования связи интернета и протестов пока не дают однозначной картины, хотя многие указывают на то, что этот фактор, вероятно, играет определенную роль — наряду с целым рядом других.

Так, С.Валенцуэла, А.Арриагада и А.Шерман¹⁴ обнаруживают статистически значимую связь участия в молодежных протестах в Чили с наличием у человека аккаунта в Фейсбуке и частотой его использования, однако более значимыми оказываются (в порядке возрастания): чтение газет, чтение онлайн-новостей и просмотр новостных телепередач. Большее значение, чем Фейсбук, имеет также доверие к общественным институтам. Применительно к Египту и Тунису И.Аллагуи и Дж.Кёблер¹⁵ говорят о важности для протестной мобилизации таких факторов, как безработица, классовое неравенство, коррупция и цензура (не приводя, правда, каких-либо доказательств). К.Труевцев отмечает значение для «арабской весны» религиозных расколов (по линии сунниты — шииты и исламисты — секуляристы), а также наличия ущемленных социальных групп (бедуины, некоторые шейхи)¹⁶, хотя его рассуждения тоже носят сугубо умозрительный характер. В отличие от упомянутых авторов, С.Цирель опирается на количественные данные: в построенной им для прогнозирования протестов в арабских странах регрессионной модели ключевое значение имеют легитимность режима, уровень безработицы среди молодежи, доля безработных с высшим образованием среди молодежи и доля дискриминируемых национально-религиозных групп¹⁷. Однако в России другая ситуация: уровень дохода и образования участников протестов 2011—2012 гг. был существенно выше среднего по стране¹⁸. При том что в протестном движении пре-

¹² См. Драчева, Щербак 2012.

¹³ См. Theocharis, Lowe, Deth 2014.

¹⁴ См. Valenzuela, Arriagada, Scherman 2012.

¹⁵ См. Allagui, Kuebler 2011.

¹⁶ См. Труевцев 2012.

¹⁷ См. Цирель 2012.

¹⁸ См. Волков 2012.

обладали носители либеральных и демократических взглядов, немалую долю его участников составляли приверженцы других политических течений; объединяющим же их фактором были сомнения в честности выборов — и отчасти интернет как источник информации о протестах. Сходным образом предиктором участия в движении *Occupy Wall Street* в Канаде являлась прежде всего идентификация с его ценностями¹⁹.

¹⁹ См. Cameron, Nickerson 2009.

Другими словами, причины участия в протестах в разных странах неодинаковы. Разнятся и причины участия в разных видах протестов. Так, если забастовки 1990-х годов в России были вызваны экономическими причинами, а именно задержками с выплатой заработной платы, то уличные демонстрации того же периода не были связаны с экономикой²⁰.

²⁰ См. Стребков 2000.

Представление об общих для многих стран предикторах протестов дают межстрановые сравнения, в частности два исследования, опирающиеся на данные опросов, проведенных в рамках проекта World Values Survey (WVS)²¹. Авторы обоих исследований анализируют совокупное участие в разных типах протестов, однако Р.Далтон и А. ван Сикль делают это на страновом уровне²², тогда как Х.Вельцель и Ф.Дёйч строят двухуровневую модель, учитывающую характеристики как стран, так и живущих в них индивидов. Выделив три группы факторов, влияющих на протесты, которые условно можно обозначить как *основания для недовольства* (grievances), включая расхождения между ожидаемым и имеющимся (относительная депривация), *ресурсы*, в том числе навыки протеста и институциональные условия (слабость репрессивного аппарата и т.п.), и *ценности* (например, левые или постматериалистические установки)²³, Далтон и ван Сикль обнаруживают положительные эффекты целого ряда переменных, относящихся ко всем этим группам (таких, как ВВП на душу населения, доля людей, ощущающих себя счастливыми, уровень демократии, степень эффективности правительства и исполнения законов, широта распространения постматериалистических ценностей), а также отрицательный эффект репрессий и имущественного неравенства. То есть, по их заключению, люди чаще протестуют в относительно богатых демократических странах с достаточно эффективным и не очень репрессивным правительством — очевидно, потому, что риски участия в протестных акциях там ниже, а шансы добиться успеха — выше. В свою очередь Вельцель и Дёйч обращают внимание на взаимовлияние индивидуальных и страновых характеристик одного и того же типа. Так, вероятность участия индивида в протестных акциях зависит не только от наличия у него эмансипационных ценностей, но и от распространенности этих ценностей в обществе, ибо именно от этого он отталкивается, когда оценивает число единомышленников, а также свои риски и шансы на успех²⁴. Но, повторим, ни одно из этих исследований не рассматривает интернет как фактор влияния на протесты, так как основано на опросах, предшествовавших «арабской весне» и сопутствовавшим ей «твиттер-революциям».

²¹ См. Dalton, Sickle 2005; Welzel, Deutsch 2012.

²² Dalton, Sickle 2005: 5.

²³ Welzel, Deutsch 2012: 472.

²⁴ Welzel, Deutsch 2012: 474.

Гипотезы

Поскольку разные типы протестов могут быть обусловлены разными причинами, чтобы надежно сравнивать протестное поведение в разных странах, необходимо изучать протесты одного и того же вида. Согласно исследованиям WVS, самым распространенным видом протеста являются мирные демонстрации, на которых мы и сосредоточим свое внимание. Как следует из приведенного выше обзора литературы, интернет в данном случае выступает не столько в качестве средства организации протестных действий, сколько в качестве источника информации о них, поэтому логично предположить, что наибольшее значение будет иметь не охват интернетом и не наличие аккаунта в социальных сетях, а чтение онлайн-новостей. Отсюда вытекает первая гипотеза:

Люди, использующие интернет в качестве источника новостей, с большей вероятностью будут участвовать в мирных демонстрациях.

Кроме того, как видно из того же обзора, интернет, не являясь, скорее всего, главным предиктором участия в протестах, может усиливать действие других предикторов или, во всяком случае, некоторых из них. Отсюда вытекает вторая гипотеза:

Люди, обладающие определенным признаком и при этом использующие интернет в качестве источника новостей, будут более склонны участвовать в мирных демонстрациях, чем потребители интернет-новостей и носители данного признака по отдельности.

Какие же это могут быть признаки? Прежде всего нужно отметить, что, как показали Вельцель и Дёйч, речь может идти о характеристиках страны, а не индивида. Однако страновые характеристики требуют специального изучения, поэтому в настоящей работе мы их затрагивать не будем. Понятно также, что в качестве контрольных переменных разумно рассматривать пол и возраст. И все же, по-видимому, наибольшего внимания заслуживают переменные из трех выделенных Далтоном и ван Сиклем групп (основания для недовольства, ресурсы и ценности). Основываясь на обзоре литературы, мы предположили, что из группы «основания для недовольства» значение будут иметь отсутствие работы и доход; из группы «ресурсы», помимо чтения онлайн-новостей, — получение новостей из других источников, включая телевидение и друзей, и образование; а из группы «ценности» — политические взгляды (левые — правые), общий интерес к политике и наличие постматериалистических ценностей.

²⁵ См. Inglehart, Welzel 2010.

Здесь следует пояснить, что в теории модернизации Р.Инглхарта²⁵, лежащей в основе методики WVS, под постматериалистическими понимаются ценности, которые начинают доминировать в обществе, когда оно преодолевает дефицит ресурсов, необходимых для выживания. Они включают в себя, во-первых, секулярно-рациональные ценности, приходящие на смену традиционным, а во-вторых, ценности самовыражения (упор на права и свободы человека, политическое участие, терпимость и т.д.), замещающие ценности выживания, связанные с эко-

номической и физической безопасностью. Близкое содержание имеет вводимая Вельцелем и Дёйч категория эмансипационных ценностей, куда входят ценности толерантности, гендерного равенства, автономии и др. Отталкиваясь от работы Вельцеля и Дёйч, мы предполагаем, что эмансипационные или постматериалистические ценности будут влиять на участие в протестах, особенно в сочетании с использованием онлайн-новостей.

Данные и методы исследования

²⁶ <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentation/WV6.jsp>

Эмпирической базой исследования послужили материалы шестой волны опросов WVS (2010—2014 гг.), представленные в базе данных проекта²⁶. В рамках этой волны опросы проводились в 57 странах, однако, поскольку в восьми из них респондентам не были заданы некоторые из принципиально важных для нас вопросов (в частности, вопрос о чтении новостей в интернете), в нашу выборку вошли 49 стран: Австралия, Азербайджан, Алжир, Аргентина, Армения, Бразилия, Гана, Германия, Грузия, Египет, Зимбабве, Йемен, Индия, Ирак, Испания, Казахстан, Кипр, Киргизстан, Колумбия, Ливан, Ливия, Малайзия, Мексика, Нигерия, Нидерланды, Новая Зеландия, Пакистан, Палестина, Перу, Польша, Россия, Руанда, Румыния, Словения, США, Тайвань, Таиланд, Тринидад и Тобаго, Тунис, Турция, Украина, Уругвай, Филиппины, Чили, Швеция, Эстония, Южная Африка, Южная Корея, Япония.

Зависимой переменной является участие респондента в мирных демонстрациях (участвовал или не участвовал), основной независимой — использование интернета в качестве источника информации (не реже чем раз в неделю / реже чем раз в неделю). Кроме того, для анализа связи между протестами и интернетом по странам мы ввели также переменную «страна».

Что касается других независимых переменных, то при их выделении мы отталкивались от базы данных WVS. База данных WVS шестой волны предлагает 430 переменных и индексов. Для того чтобы определить, какие из них следует включить в регрессионные модели, мы протестировали их на наличие связи с зависимой переменной²⁷. Таблицы сопряженности для каждой пары переменных показали, что сильную значимую связь (выше 0,1) с зависимой переменной имеют 15 предикторов (см. *табл. 1*). В их число не входят пол, возраст, доход и отсутствие работы, поэтому при дальнейшем анализе они не учитывались.

Следует отметить, что в регрессионные модели вошли не все переменные из *табл. 1*. За их рамками осталась, в частности, переменная «источник получения информации — электронная почта», в существенной мере коррелирующая с переменной «источник получения информации — интернет». Переменные 5, 10, 11, 14 были объединены в индекс членства в общественных организациях. Из двух индексов постматериализма, сконструированных авторами WVS, мы выбрали тот, что включает в себя три блока из четырех переменных, измеряющих отно-

²⁷ Вследствие заведомо сильной корреляции со странами и очень большого количества значений переменные «язык» и «этничность» тестированию не подвергались и были изначально исключены из анализа.

Таблица 1 Значимые корреляции переменных WVS с зависимой переменной

1	Интерес к политике	0,175
2	Возраст завершения образования	0,139
3	Индекс постматериализма (12 позиций)	0,136
4	Спонсирование экологических организаций (на протяжении последних двух лет)	0,136
5	Активное или пассивное членство в гуманитарной или благотворительной организации	0,134
6	Индекс постматериализма (4 позиции)	0,125
7	Источник получения информации — интернет	0,123
8	Политические взгляды	0,119
9	Признание законности гомосексуализма	0,119
10	Активное или пассивное членство в политической партии	0,117
11	Активное или пассивное членство в экологической организации	0,116
12	Индекс автономии	0,111
13	Источник получения информации — электронная почта	0,111
14	Членство в профессиональном объединении	0,101
15	Источник получения информации — разговоры с друзьями и коллегами	0,100

²⁸ См. Held et al. 2009.

сительную важность для респондента четырех задач в развитии страны (переменная 3)²⁸. В первый блок входят такие задачи, как быстрый экономический рост, повышение обороноспособности, большой учет мнения людей на работе и в обществе и улучшение облика городов и сел; во второй — поддержание порядка в стране, расширение возможностей людей влиять на решения правительства, борьба с ростом цен и защита свободы слова; в третий — стабильная экономика, борьба с преступностью, переход к более гуманному обществу и переход к обществу, в котором идеалы ценнее денег.

В итоге у нас остались следующие переменные:

- 1) онлайн-новости (получение информации из интернета);
- 2) друзья (получение информации от друзей);
- 3) интерес к политике;
- 4) политические взгляды;
- 5) образование;
- 6) индекс постматериализма (индекс постматериалистических ценностей);
- 7) индекс членства (членство в политических партиях, экологических и благотворительных организациях и профессиональных объединениях);

8) индекс автономии (включает переменные «религиозность», «послушание», «независимость», «настойчивость» как важные для ребенка качества).

Далее мы применили многоуровневую биномиальную логистическую регрессию, что обусловлено зависимой переменной, которая после преобразования принимает бинарный вид: 1 = «участвовал в протесте», 0 = «не участвовал в протесте». Способ перекодирования независимых переменных представлен в *табл. 2*.

На внешнем уровне регрессии находятся страны, поскольку мы предполагаем, что зависимость участия в протестах от независимых переменных в разных странах неодинакова. Однако на данном этапе в моделях использовались лишь переменные индивидуального уровня, а страновые различия учитывались через фиксированные эффекты стран и случайные коэффициенты наклона при независимых переменных.

Результаты анализа

Проверяя гипотезы, мы построили несколько двухуровневых регрессионных моделей с разным составом независимых переменных. Для того чтобы принять решение о включении индивидуальных переменных в эти модели, мы применили метод ступенчатого отбора, оценив вклад каждой независимой переменной в величину псевдо- R^2 в одноуровневой модели (см. *рис. 1 Приложения*). Результаты показывают, что все переменные значимы и вместе объясняют 5% дисперсии — это немного, но вполне достаточно для признания модели значимой. Таким образом, в модели остаются все восемь выделенных переменных — «онлайн-новости», «друзья», «интерес к политике», «политические взгляды», «образование», «индекс постматериализма», «индекс членства» и «индекс автономии». При этом самыми сильными в модели являются переменные «интерес к политике» и «онлайн-новости» — из 5% дисперсии они описывают почти 3%, в то время как переменные «друзья», «образование» и «политические взгляды» объясняют лишь по 1%.

Далее, поскольку эффекты независимых переменных могли быть разными в разных странах, мы проверили существенность межстрановых различий зависимой переменной с помощью коэффициента ИСС²⁹. Решение о включении в модель страновых эффектов принимается при ИСС не меньше 5%. В нашей модели ИСС = 0,140 (14%), а значит, имеются все основания считать, что с точки зрения участия в протестах страны неодинаковы.

Первая двухуровневая регрессионная модель содержит один предиктор — «онлайн-новости». Как видно из *табл. 3*, связь есть (*модель 1*). Однако будет ли она значима, если мы предположим, что сила влияния «онлайн-новостей» на протесты в каждой стране разная? В *модели 2* со случайным углом наклона регрессионной линии связь не исчезает: это говорит о том, что в каких-то странах онлайн-новости влияют на протесты сильнее, в каких-то слабее. Данная связь проил-

²⁹ Подробнее об этом коэффициенте см. Koch 1982: 213—217.

Таблица 2 Переменные

<i>Переменная</i>	<i>Описание</i>	<i>Кодировка</i>
Онлайн-новости	1 — каждый день 2 — каждую неделю 3 — раз в месяц 4 — реже чем раз в месяц	1 — часто (каждый день, каждую неделю) 0 — редко (раз в месяц или реже)
Друзья (узнаю новости от друзей)	1 — каждый день 2 — каждую неделю 3 — раз в месяц 4 — реже чем раз в месяц	1 — часто (каждый день, каждую неделю) 0 — редко (раз в месяц или реже)
Интерес к политике	1 — очень интересуюсь 2 — отчасти интересуюсь 3 — не интересуюсь 4 — совершенно не интересуюсь	1 — интересуюсь (очень интересуюсь, отчасти интересуюсь) 0 — не интересуюсь (не интересуюсь, совершенно не интересуюсь)
Политические взгляды	от 1 до 10; 1 — левые, 10 — правые	1—4 — левые 5—10 — правые
Образование	возраст завершения образования	среднее (получено до 20 лет) высшее (получено после 20 лет)
Индекс постматериализма	1 — материалист 2 — смешанные взгляды 3 — постматериалист	1 — материалист 2 — постматериалист (смешанные и постматериалистические установки)
Индекс членства	1 — отсутствие членства в какой-либо благотворительной, политической, общественной или религиозной организации 2 — неактивный член благотворительной, политической, общественной или религиозной организации 3 — активный член благотворительной, политической, общественной или религиозной организации	переменная не подвергалась перекодировке
Индекс автономии	от 1 (полное послушание) до 5 (детерминизм, полная независимость)	1 — послушание 2 — смешанные взгляды 3 — детерминизм / независимость

Таблица 3 Результаты регрессионного анализа

	<i>Протесты (1;0)</i>			
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Онлайн-новости	0,631 (0,024)***	0,686 (0,069)***	0,330 (0,031)***	0,361 (0,062)***
Друзья			0,295 (0,039)***	0,288 (0,061)***
Образование			-0,348 (0,029)***	-0,340 (0,038)***
Интерес к политике			0,656 (0,029)***	0,700 (0,054)***
Индекс пост-материализма			0,415 (0,040)***	0,348 (0,060)***
Политические взгляды			-0,569 (0,033)***	-0,485 (0,074)***
Индекс членства			0,879 (0,034)***	0,928 (0,071)***
Индекс автономии смешанные взгляды детерминизм/независимость			0,100 (0,032)** 0,252 (0,048)***	0,097 (0,042)* 0,220 (0,079)**
Random slope	No	Yes	No	Yes
Country	Yes	Yes	Yes	Yes
Наблюдения (N)	67 691	67 691	51 646	51 646
Страны	49	49	49	49
Likelihood	-25111,9	-25025,4	-18214,3	-18033,0

Уровни значимости: 0 ‘****’ 0,001 ‘***’ 0,01 ‘**’.
В скобках указаны стандартные ошибки.

люстрирована на *рис. 2 Приложения*, где по оси абсцисс отложена доля читающих новости в интернете для каждой отдельной страны, а по оси ординат — доля протестующих в этих странах.

Для проверки независимости этой связи мы добавили еще семь описанных выше независимых переменных. Результаты регрессионного анализа со всеми этими переменными показывают, что чтение новостей в интернете по-прежнему имеет связь с зависимой переменной (*модель 3*), хотя эта связь почти в два раза уменьшилась. Таким образом, наша первая гипотеза подтвердилась. Иными словами, мы можем утверждать, что в большинстве стран человек, который читает онлайн-новости, будет участвовать в протестах с большей вероятностью, чем тот, кто их не читает. Обнаруженные эффекты (стандартизированные

вокруг среднего значения) проиллюстрированы на *рис. 3 Приложения*. Из рисунка видно, что наибольшее влияние на участие в протестах оказывает переменная «интерес к политике», затем «онлайн-новости», «индекс постматериализма», «друзья», «образование» и «политические взгляды». То есть в протестах с большей вероятностью будут участвовать люди, проявляющие интерес к политике, читающие новости в интернете, с относительно высоким уровнем образования, левыми взглядами и постматериалистическими ценностями.

Чтобы оценить эффекты этих переменных в каждой стране, мы построили модель со всеми упомянутыми предикторами и случайным наклоном регрессионной линии (*модель 4*). В результате коэффициенты при предикторах увеличились, а это означает, что такая модель лучше описывает данные, что заметно также по значению коэффициента правдоподобия. Выявленные эффекты по странам отображены на *рис. 4 Приложения*.

Модели 5–11 (см. *табл. 4*) фиксируют роль интерактивных эффектов чтения онлайн-новостей и остальных переменных, то есть показывают, в какой мере люди, читающие онлайн-новости и одновременно обладающие одним из семи других признаков, проявляют большую склонность к протестам, чем люди, просто читающие онлайн-новости или обладающие одним из семи других признаков. Как следует из таблицы, с переменными «индекс членства», «друзья», «образование» и «индекс автономии» такие эффекты отсутствуют. Это указывает на то, что чтение новостей в интернете не усиливает склонность к протестам у членов общественных организаций, а также у тех, кто черпает информацию у друзей, имеет высокий уровень образования и ценит автономию.

В свою очередь у трех других переменных — «интерес к политике», «индекс постматериализма» и «политические взгляды» — интерактивные эффекты с переменной «онлайн-новости» довольно сильны. Это свидетельствует о том, что:

- люди, интересующиеся политикой и при этом читающие новости в интернете, будут участвовать в протестах с большей вероятностью, чем те, кто политикой не интересуется, но читает новости в интернете, и чем те, кто интересуется политикой, но онлайн-новостей не читает;
- люди с постматериалистическими ценностями, читающие онлайн-новости, будут участвовать в протестах с большей вероятностью, чем постматериалисты, игнорирующие такие новости, и чем читатели онлайн-новостей, не разделяющие постматериалистических ценностей;
- носители левых взглядов, читающие новости в интернете, будут участвовать в протестах с большей вероятностью, чем читающие новости в интернете носители правых взглядов, и чем носители левых взглядов, не читающие онлайн-новостей.

Таким образом, вторая наша гипотеза подтвердилась частично.

Выводы

Проведенное нами исследование обнаружило, что чтение онлайн-новостей оказывает самостоятельное влияние на участие людей в мирных демонстрациях, не сводимое к влиянию других факторов, и это влияние устойчиво воспроизводится в разных странах. Правда, повышение вероятности участия людей в протестных акциях, обусловленное интернетом, не везде одинаково: так, слабее всего оно проявляется в Перу, России и Казахстане, а сильнее всего — в Пакистане, Египте и Таиланде. Почему на шкале влияния интернета на протесты страны расположены именно таким образом, требует дальнейшего изучения, однако важно уже то, что в выборке нет ни одной страны, где бы чтение онлайн-новостей ослабляло склонность людей к выходу на демонстрации. Примечательно, что протестам также способствует получение информации от друзей и коллег, а вот смотрит ли человек телевизор — совершенно неважно. И это неудивительно, ведь телевидение — как правило, наиболее подконтрольное политическим элитам средство коммуникации — смотрят и лояльные государству, и оппозиционно настроенные граждане, но прибегать к альтернативным источникам информации склонны как раз последние. В свою очередь значимость личного общения говорит о том, что при недоступности интернета именно оно, по-видимому, станет основным средством коммуникации и протестной мобилизации.

Среди других значимых факторов, влияющих на протесты, оказались два входящих в категорию «ресурсы» (по Далтону и ван Сиклю) — образование и членство в общественных организациях. При этом, что несколько неожиданно, в их числе полностью отсутствуют «основания для недовольства». Дело, наверное, в том, что такие «основания» крайне ситуативны и разнятся не только от страны к стране, но и от протеста к протесту, поэтому их влияние трудно уловить в межстрановом сравнении.

Но наиболее широко среди этих факторов представлены «ценности». Здесь наши заключения подтверждают выводы Вельцеля и Дёйч: протестовать более склонны люди с левыми взглядами, интересующиеся политикой и разделяющие ценности постматериализма и автономии. Иными словами, протестуют не столько жертвы угнетения, сколько те, кто стремится улучшить свою жизнь и свое общество. Показательно, что эффект интернета усиливается во взаимодействии именно с «ценностями», а не с другими «ресурсами». Видимо, ценности и заставляют людей искать ресурсы (во всяком случае — онлайн-новости), а глубина и существо проблем, которые люди хотят решить, могут быть самыми разными.

Как уже говорилось, эти проблемы могут носить не индивидуальный, а страновой характер: например, стимулом к протесту может послужить не потеря работы конкретным протестующим, а высокий уровень безработицы в стране, когда угроза лишиться работы висит над каждым. А отсутствие демократических свобод вообще бывает только в обществе в целом. На возможную значимость страновых характеристик указывает, в частности, наличие людей, читающих онлайн-новости

Таблица 4 Мультипликативные эффекты

	<i>Протесты (0;1)</i>										
	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9	Модель 10	Модель 11				
Онлайн-новости (0,1)	0,435 (0,077)***	0,366 (0,045)***	0,235 (0,047)***	0,293*** (0,032)	0,502*** (0,060)	0,452 (0,085)***	0,340*** (0,052)				
Друзья (0,1)	0,337 (0,049)***	0,295 (0,039)***	0,296 (0,039)***	0,292 (0,039)***	0,295 (0,039)***	0,295 (0,039)***	0,295 (0,039)***				
Образование	-0,348 (0,028)***	-0,311 (0,045)***	-0,348 (0,029)***	-0,347 (0,029)***	-0,348 (0,029)***	-0,348 (0,029)***	-0,348 (0,029)***				
Интерес к политике (0,1)	0,656 (0,029)***	0,656 (0,029)***	0,573 (0,042)***	0,656 (0,029)***	0,654** (0,029)	0,656 (0,029)***	0,656 (0,029)***				
Индекс постматериализма (1,2)	0,415 (0,040)***	0,414 (0,040)***	0,414 (0,040)***	0,194 (0,071)***	0,411*** (0,040)	0,415 (0,040)***	0,415 (0,040)***				
Политические взгляды (1,2)	-0,569 (0,033)***	-0,569 (0,033)***	-0,567 (0,033)***	-0,567 (0,033)***	-0,442*** (0,051)	-0,570 (0,033)***	-0,569 (0,033)***				
Индекс членства	0,880 (0,034)***	0,879 (0,034)***	0,879 (0,034)***	0,880 (0,034)***	0,880 (0,034)***	0,933 (0,048)	0,879 (0,034)***				
Индекс автономии (смешанные взгляды)	0,100 (0,032)**	0,100 (0,032)**	0,101 (0,032)**	0,099 (0,032)**	0,099 (0,032)**	0,100 (0,032)**	0,106 (0,044)*				
Индекс автономии (детерминизм/независимость)	0,252 (0,048)***	0,251 (0,048)***	0,252 (0,048)***	0,250 (0,048)***	0,251 (0,048)***	0,251 (0,048)***	0,262 (0,076)***				
Друзья / онлайн-новости	-0,121 (0,082)										

Образование / онлайн-новости		-0,062 (0,057)							
Интерес к политике / онлайн-новости			0,154** (0,056)						
Индекс постматериализма / онлайн-новости				0,326 (0,085)***					
Политические взгляды / онлайн-новости					-0,219*** (0,066)				
Индекс членства / онлайн-новости						-0,094 (0,061)			
Индекс автономии (смешанные взгляды) / онлайн-новости									-0,012 (0,062)
Индекс автономии (детерминизм/независимость) / онлайн-новости									-0,021 (0,094)
Random slope	No	No	No	No	No	No	No	No	No
Country	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes
Наблюдения (N)	51 646	51 646	51 646	51 646	51 646	51 646	51 646	51 646	51 646
Страны	49	49	49	49	49	49	49	49	49
logLikelihood	-18213,2	-18213,7	-18210,6	-18206,9	-18208,8	-18213,1	-18214,2		

и участвующих в протестах безотносительно к каким-либо другим индивидуальным свойствам. Отсюда следует, что одним из направлений дальнейшей работы должен стать анализ данных с привлечением переменных странового уровня, позволяющий протестировать воздействие на протесты таких факторов, как, например, ВВП или политический режим.

Библиография

- Волков Д.** 2012. Протестные митинги в России конца 2011 — начала 2012 г.: запрос на демократизацию политических институтов // *Вестник общественного мнения*. № 2 (112).
- Драчева Е., Щербак А.** 2012. Политический интернет и гражданское общество на выборах 2011—2012 гг. // Горный М., Сунгуров А. (ред.) *Публичная политика — 2011*. — СПб.
- Стребков Д.О.** 2000. Экономические детерминанты протестного поведения населения России // *Экономическая социология*. Т. 1. № 1.
- Труевцев К.М.** 2012. «Арабская весна» — ход, акторы, технология и промежуточные итоги // *Полития*. № 1 (64).
- Цирель С.В.** 2012. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах // Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. (ред.) *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. — М.
- Allagui I., Kuebler J.** 2011. The Arab Spring and the Role of ICTs: Editorial Introduction // *International Journal of Communication*. № 5.
- Breuer A., Landman T., Farquhar D.** 2015. Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the Tunisian Revolution // *Democratization*. Vol. 22. № 4.
- Cameron J., Nickerson S.** 2009. Predictors of Protest among Anti-Globalization Demonstrators // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 39. № 3.
- Castells M.** 2012. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. — Cambridge.
- Dalton R., Sickle A. van.** 2005. *The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest*. — Irvine.
- Gonzalez-Bailon S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y.** 2013. Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion // *American Behavioral Scientist*. Vol. 50. № 7.
- Held M. et al.** 2009. Value Structure and Dimensions: Empirical Evidence from the German World Values Survey // *World Values Research*. Vol. 2. № 3.
- Inglehart R., Welzel C.** 2010. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // *Perspectives on Politics*. Vol. 8. № 2.
- Kalathil K., Boas T.** 2003. *Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule*. — Washington.
- Koch G.G.** 1982. Intraclass Correlation Coefficient // Kotz S., Johnson N.L. (eds.) *Encyclopedia of Statistical Sciences 4*. — N.Y.

Lotan G. et al. 2011. The Revolutions Were Twitted: Information Flows During the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions // *International Journal of Communication*. № 5.

Theocharis Y., Lowe W., Deth J. van. 2014. Using Twitter to Mobilise Protest Action: Transnational Online Mobilisation Patterns and Action Repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados and Aganaktismenoi Movements // *Information, Communication and Society*. Vol. 18. № 2.

Tufekci Z., Wilson Ch. 2012. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observation from Tahrir Square // *Journal of Communication*. Vol. 62 (http://www.academia.edu/2493339/Social_Media_and_the_Decision_to_Participate_in_Political_Protest_Observations_From_Tahrir_Square).

Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. 2012. The Social Media Basis of Youth Protest Behavior: The Case of Chile // *Journal of Communication*. Vol. 62 (http://www.academia.edu/1440338/The_Social_Media_Basis_of_Youth_Protest_Behavior_The_Case_of_Chile).

Welzel C., Deutsch F. 2012. Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of «Ecological» Effects // *British Journal of Political Science*. Vol. 42. № 2.

Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. 2013. Social Media and the Arab Spring Politics Comes First // *International Journal of Press/Politics*. Vol. 18. № 2.

References

Allagui I., Kuebler J. 2011. The Arab Spring and the Role of ICTs: Editorial Introduction // *International Journal of Communication*. № 5.

Breuer A., Landman T., Farquhar D. 2015. Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the Tunisian Revolution // *Democratization*. Vol. 22. № 4.

Cameron J., Nickerson S. 2009. Predictors of Protest among Anti-Globalization Demonstrators // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 39. № 3.

Castells M. 2012. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. — Cambridge.

Cirel' S.V. 2012. Uslovija vznikovenija revoljucionnykh situacij v arabskikh stranakh // Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V., Khodunov A.S. (eds.) *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaja vesna 2011 goda*. — M.

Dalton R., Sickle A. van. 2005. *The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest*. — Irvine.

Dracheva E., Scherbak A. 2012. Politicheskij internet i grazhdanskoe obshhestvo na vyborakh 2011—2012 gg. // Gornyy M., Sungurov A. (eds.) *Publichnaja politika — 2011*. — SPb.

Gonzalez-Bailon S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y. 2013. Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion // *American Behavioral Scientist*. Vol. 50. № 7.

Held M. et al. 2009. Value Structure and Dimensions: Empirical Evidence from the German World Values Survey // *World Values Research*. Vol. 2. № 3.

Inglehart R., Welzel C. 2010. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // *Perspectives on Politics*. Vol. 8. № 2.

Kalathil K., Boas T. 2003. *Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule*. — Washington.

Koch G.G. 1982. Intraclass Correlation Coefficient // Kotz S., Johnson N.L. (eds.) *Encyclopedia of Statistical Sciences 4*. — N.Y.

Lotan G. et al. 2011. The Revolutions Were Twitted: Information Flows During the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions // *International Journal of Communication*. № 5.

Strebkov D.O. 2000. Ehkonomicheskie determinanty protestnogo povedenija naselenija Rossii // *Ehkonomicheskaja sociologija*. T. 1. № 1.

Theocharis Y., Lowe W., Deth J. van. 2014. Using Twitter to Mobilise Protest Action: Transnational Online Mobilisation Patterns and Action Repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados and Aganaktismenoi Movements // *Information, Communication and Society*. Vol. 18. № 2.

Truevcev K.M. 2012. «Arabskaja vesna» — khod, aktory, tekhnologija i promezhutochnye itogi // *Politeia*. № 1 (64).

Tufekci Z., Wilson Ch. 2012. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observation from Tahrir Square // *Journal of Communication*. Vol. 62 (http://www.academia.edu/2493339/Social_Media_and_the_Decision_to_Participate_in_Political_Protest_Observations_From_Tahrir_Square).

Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. 2012. The Social Media Basis of Youth Protest Behavior: The Case of Chile // *Journal of Communication*. Vol. 62 (http://www.academia.edu/1440338/The_Social_Media_Basis_of_Youth_Protest_Behavior_The_Case_of_Chile).

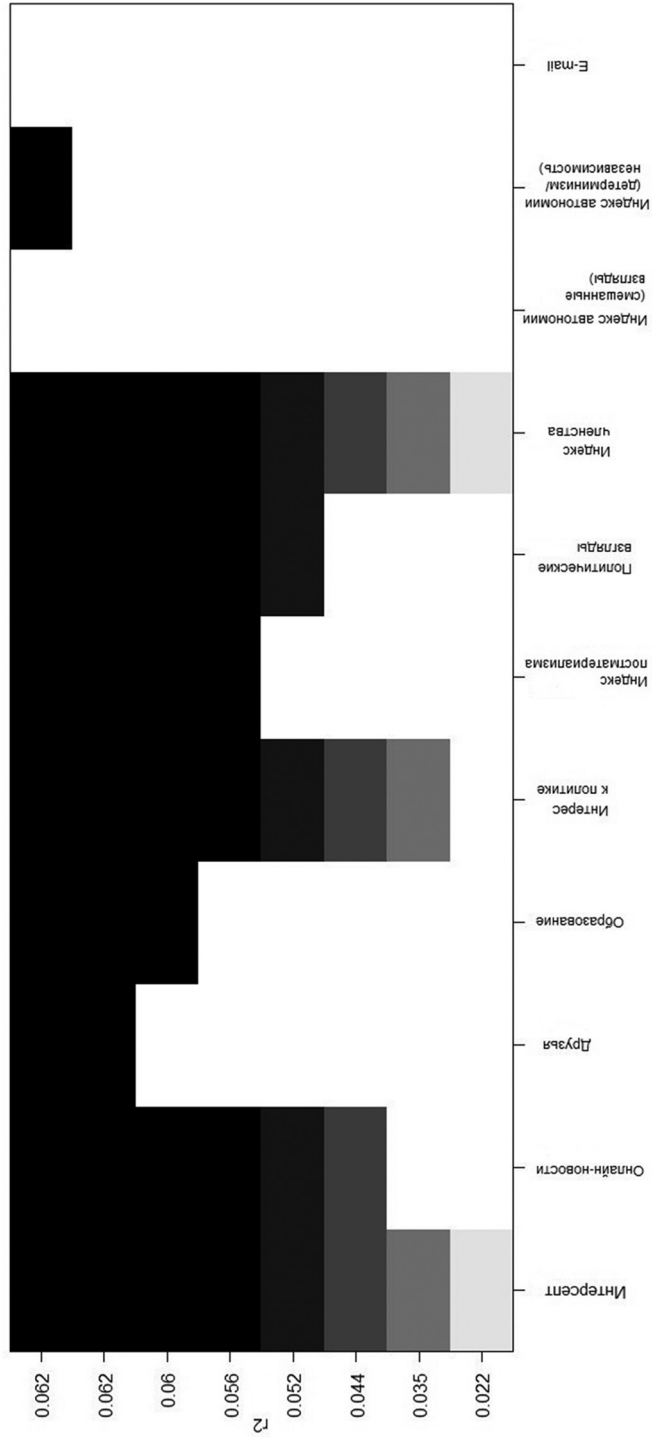
Volkov D. 2012. Protestnye mitingi v Rossii konca 2011 — nachala 2012 g.: zapros na demokratizaciju politicheskikh institutov // *Vestnik obshhestvennogo mnenija*. № 2 (112).

Welzel C., Deutsch F. 2012. Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of «Ecological» Effects // *British Journal of Political Science*. Vol. 42. № 2.

Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. 2013. Social Media and the Arab Spring Politics Comes First // *International Journal of Press/Politics*. Vol. 18. № 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунок 1 Вклад независимых переменных в величину псевдо-R² в одноуровневой модели

Рисунок 3 Стандартизированные эффекты независимых переменных по отношению к зависимой переменной «протесты»

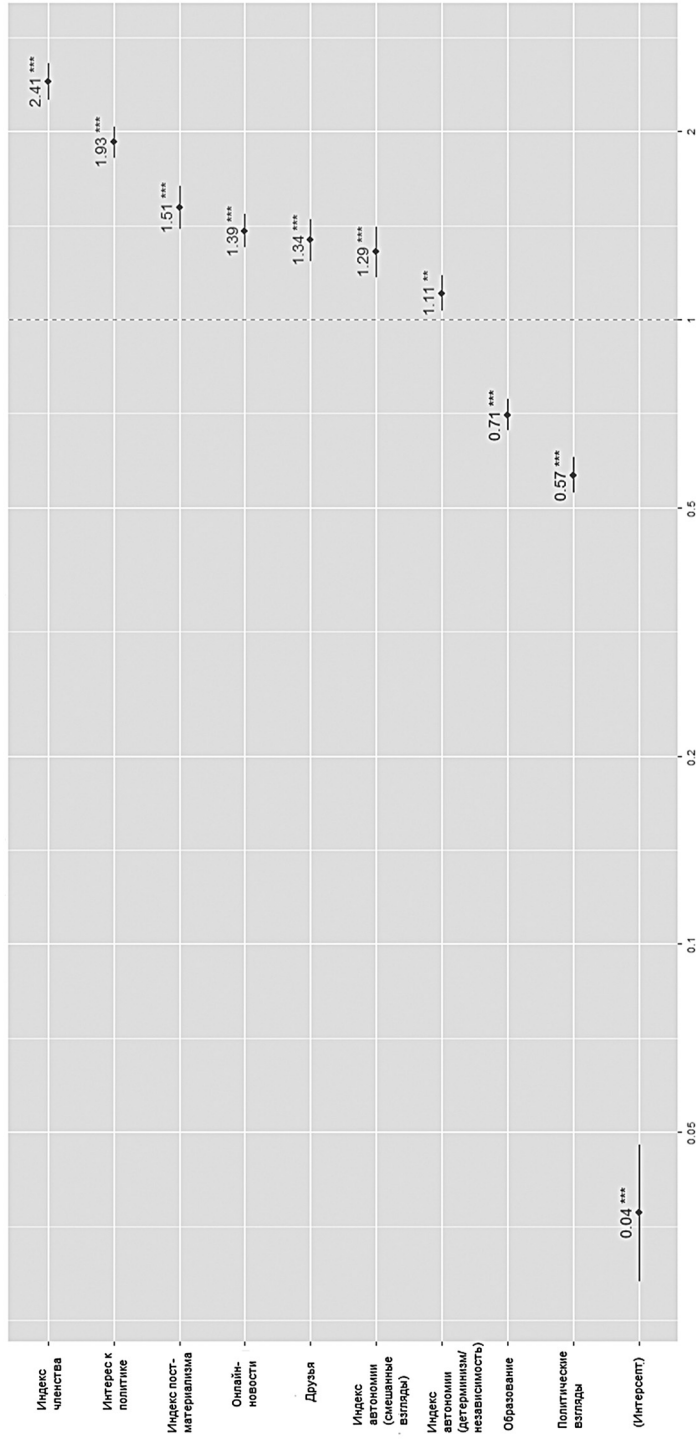

Рисунок 4 Стандартизированные эффекты онлайн-новостей к протестной активности в зависимости от страны

